

Известному советскому прозаику Эммануилу Генриховичу Казакевичу в эти дни исполнилось бы 70 лет. Писатель прожил сравнительно недолгую жизнь (когда он умер, ему не было и пятидесяти); но годы, отданные им отечественной литературе, оставили в ней яркий, неповторимый след. Он пришел к своим читателям сразу же после Великой Отечественной войны. Отблеск народного подвига в борьбе с фашизмом лежит, можно сказать, на каждой из его книг. Главная мысль писателя — о величии и неповторимой ценности человеческой жизни — пронизывает и его последние книги — повесть о Ленине «Синяя тетрадь» и рассказ «При свете дня». Слова и дела Э. Г. Казакевича, его жизнь и его литература никогда не расходились одно с другим. Он всегда был по-человечески цельным и честным. Это в какой-то мере могут засвидетельствовать и письма писателя, которые публикует «Литературная Россия». В 1950—1951 годах Э. Казакевич вместе с семьей жил в деревне Глубоково Владимирской области. К нему часто приезжали и жили в его доме молодые владимирские прозаики и поэты. В гостях у писателя в 50-е годы не раз бывали Александр Твардовский и Алексей Фатьянов. Тогда же и родилась идея выпустить альманах «Владимир», организатором которого стал Э. Казакевич, а А. Твардовский и А. Фатьянов участвовали в редактировании и рецензировании произведений молодых. С 1951 по 1954 год было выпущено три номера альманаха, давшего путевку в литературу многим молодым прозаикам и поэтам. Письма Э. Казакевича показывают, какой огромный труд вложил он в создание альманаха, как бережно относился писатель к молодым, как щедро делился он «секретами» своего писательского мастерства. Письма печатаются с сокращениями.

26.8.50

Эммануил КАЗАКЕВИЧ:

ЕДИНСТВЕННОЕ СЛОВО

Письма начинающим литераторам

тании в московских журналах и во владимирском областном альманахе. Жму руку.

Дорогой Владимир Николаевич!

Прочитал Ваши три рассказа. Позвольте поделиться с Вами своим впечатлением о них.

Больше всех мне понравился рассказ «Атласная». Это превосходная вещь. Умная и красивая. Очень хороши старики. Тихон — настоящая живая фигура, написанная с большой теплотой. Председатель колхоза, хотя он дан только в общих чертах, — внешне очень ясен (а это ведь очень трудно — дать ясно внешность) и внутренне хотя и не так ясно очерчен, но его ум и горячее сердце тоже достаточно показаны. Привлекательна приезжая — Даша, так, что даже жалко, что она уедет из этого колхоза.

В рассказе есть один, на мой взгляд, недостаток, но он легко устраним. Вы, по-моему, слишком рассусоливаете во второй его половине (вернее, в третьей трети) историю с раскаянием — перерождением Якова. Сюжетно все хорошо, правильно, но недостаточно тонко. Тут нужно было поэкономнее писать (собрание и вокруг собрания) — во-первых, остерегаться шаржа — во-вторых, А Яков в конце шаржирован явно. Это старый прием — переубежденный человек становится до комизма ярким приверженцем своего нового убеждения. Наигранная наивность Якова здесь нехороша, все это читано. Может быть, было бы лучше и серьезнее, если бы Яков, умом убежденный в правоте сына, сердцем все равно горько сожалел об отправке Атласной в Белоруссию. И, делая все, что он делает, т. е. готовя со всей честностью лошадей в путь, он не мурлычет себе под нос, примиренный, а старается вовсе не глядеть на лошадей. Ему действительно трудно, но он преодолевает это душевное сопротивление, потому что так надо, исходя из высших, понятных его уму, соображений. Тогда вырастает и образ Якова, и вопрос о свободе, как об осознанной необходимости, ставится верно и серьезно.

Я выкинул бы сцену отъезда Даши — она уже лишняя, все и так ясно.

«Глухое урочище» мне тоже нравится — все это, кроме сюжетной линии, т. е. истории мальчика, рвущегося к славе. Не по душе мне, по правде сказать, этот мальчик. Он у Вас необаятельный, неприятный по-лучился. И сами Вы его не любите совершенно, и Вы правы, ей-богу! Прекрасен здесь лес, очень хороши лесозаготовки, симпатичен необычайно старик Зарайский, верно и метко показана разница между довоенным и нынешним техническим уровнем, между довоенными и нынешними стахановцами лесного промысла. И все время думается: «А может, мальчика-то и не было». И, правда, хочется, чтоб его не было, а была бы судьба Зарайского, директора леспромхоза, ставшего волей войны партизанским командиром, и после войны — опять директором — милого, немного чудоватого, страстно любящего и знающего лес. А мальчик пусть остается его воспитанником, но без неприятного тщеславия и без намека на «байронический» склад души.

Рассказ о петухах — милая жанровая картинка.

Теперь о деле. Я предлагаю «Атласную» редколлегии альманаха. Буду за нее драться и преодолевать местные настроения «не печатать чужих». Думаю, что сумею это сделать. Если Вы согласны с моими замечаниями, то пройдитесь по рукописи, но как можно ско-

рее. Редколлегия предложу пока нынешний вариант...

Вот и все. Жду Вашего ответа с нетерпением. Крепко жму руку. Дружеский привет жене.

В. Н. Матов, прозаик.

12.2.51

Уважаемый товарищ О-В! Извините меня за задержку с отзывом на Вашу рукопись. Тому виной моя нынешняя занятость.

В этом письме я не буду касаться мелочей — все, что относится к стилистическим погрешностям (а их довольно много), отмечено мной в тексте рукописи. Буду говорить о главном...

Вы можете пойти двумя путями: во-первых, ограничиться только рассказом для детей о найденном «кладе», — тогда излишни либо слишком растянуты встреча мальчиков на пароходе, история с лесом и многое другое. Второй путь — расширить вещь, сделать ее настоящей емкой детской повестью о приключениях трех мальчиков-путешественников по родному краю. Это и есть правильный путь, по-моему. Тогда мальчики не должны сразу же попасть под крылышко директора музея и в спокойную и даже комфортабельную обстановку — это мало интересно. Пусть они убегают из-под крылышка, самостоятельно походят, побродят, поищут. Пусть таинственная записка наведет их сначала на ложный след, а потом уже, после целого ряда происшествий, они находят пещеру с сундуком. Но и в пещере этой все у Вас слишком обыденно. Нет, вначале они находят оружие. Они могут подумать, что здесь орудует какая-нибудь прячущая оружие шайка. Пусть они решат подстеречь эту шайку. При этом они могут накрыть кого-нибудь из бродящих в окрестностях геологов либо пастухов и т. д. и т. п. Это вызовет новый ряд недоразумений и происшествий. Наконец, дело раскрывается.

Эти мои предложения Вы не должны принять буквально, Вы сами можете придумать цепь событий. Но во всяком случае несомненно, что эта цепь событий должна быть написана, иначе нет вещи. А это жаль, потому что, как мне кажется, Вы на правильном пути и способны создать интересную, поучительную детскую повесть, которая легко получит издателя и читателя...

Конец 1951 года

Сережа,³ одновременно с этим письмом выслал верстку Вашей книжки во владимирское издательство. Конечно, я не могу признать Вашу работу над повестью «Возвращение» законченной. Вы явно не дотянули в конце. Я постарался как-нибудь заткнуть зияющие дыры в психологическом рисунке заключительной сцены. После выхода книжки Вам нужно будет еще поработать над этой вещью — хотя бы для следующего издания.

Рыхлой получилась и другая вещь — «Чудесный рожек». Конечно, этот рассказ не таков, как он был в первоначальном варианте, но настоящей, отточенной формы он не получил и в нынешнем виде. А жаль, потому что сюжет интересный, своеобразный и упускать его нет смысла. По-моему, Вам и над этим рассказом надо будет обязательно поработать, сделав из него яркую картину судьбы человека из народа.

Но это — потом. Теперь же, я думаю, надо, чтобы книжка вышла такой, какая она есть. В общем, это не плохая книжка, но Вы должны себе отдать ясный отчет в том, что в ней — много незрелого, а главное — еще нет ничего взрывчатого, могучего. А это должно быть и к этому надо стремиться.

Три Ваших рассказа — «Пастухи», «Осенний день на мшарах» и «Дашу» я отдал в «Огонек». Если не все, то два из них, вероятно, будут там напечатаны в ближайшее время. Меня об этом поставят в известность...

³ Это письмо адресовано прозаику С. К. Никитину.

Публикация Г. О. КАЗАКЕВИЧ

Уважаемый тов. Парфенов!

Не отвечал Вам так долго по той причине, что все время — почти без перерывов — болел...

О Вашей повести. Я прочитал ее. Мнение о ней после прочтения целиком всей вещи не изменилось: это вещь интересная... Однако к печати она еще не готова. Главный грех ее — фрагментарность. Не успеваете Вы нарисовать одну картину, как в следующей главе переключаетесь на другую. Каждого своего героя Вы оставляете вдруг, без всяких на то причин, и переходите к другому, которого в свою очередь бросаете где-то, опять-таки без всяких причин, чтобы перейти к третьему. Вам изменяет слух. Вы часто не улавливаете ритма повествования, не понимаете, где именно надо перейти к следующему герою. А перейти к нему надо тогда, когда это настоятельно необходимо, то есть, когда первый герой уже сделал — совершил или сказал что-нибудь важное, весомое, как бы несколько изжил себя. Тогда переходите к следующему. Только тогда. А то получается, как если бы Вы показали голодному человеку булку, дали откусить кусочек и отобрали ее у него, предложив ему компот. Получается лоскутность, зыбкость.

Я вовсе не против многопланового повествования, даже и на протяжении такой, сравнительно небольшой повести, как Ваша, — но когда многоплановость становится уже самоцелью и превращается в некое лоскутное одеяло — против этого я возражаю. У Вас нет потока — есть много маленьких ручейков, перебивающих один другой.

Поправимо ли это? Конечно, поправимо. Но над этим... Вам придется поработать. Если Вы будете жить поблизости от меня — в Киржаче — я могу поработать с Вами в случае, если Вы этого хотите. Так и передайте «Молодой гвардии». Приступить к этой работе я смогу в конце сентября — начале октября...

С уважением Эм. Казакевич.

Л. И. Парфенов, прозаик.

10.9.50

Уважаемый товарищ Мошков!

Ваши родители с неделю тому назад принесли мне на просмотр Ваши стихи. Они попросили меня прочитать Ваши произведения и написать Вам свое мнение...

Мне кажется, что у Вас есть способности и что Ваши стихи, несмотря на целый ряд незрелых строк, строф и даже целых стихотворений, представляют интерес, вселяя надежду на то, что автор их может стать хорошим поэтом.

Вы стоите на правильном пути. Вам присуще ощущение современности. В стихах Ваших есть темперамент, страсть, и к тому же Вами, хотя еще несовершенно, еще только нащупывается, но все-таки уже чувствуется та необходимая техника, которая нужна в стихах, как во всяком другом деле. Одно из Ваших стихотворений — а именно «Воскресник» — я предложил в альманах «Владимир», который начинает в этом году выходить во Владимирской области. Правда, последнюю строфу этого стиха следует выкинуть, так как она сделана топорно, невыразительно и только портит впечатление от всего стихотворения. В третьей строфе вместо «потной рубашкою» я поправил — «взмокшей рубашкою» по той причине, что рубашка не может быть потной, потный бывает сам человек. Вторая строка этого стихотворения («В голубых льнах не высохли росы») ритмически непопунктирна, так как приходится глотать слово «льнах»... Вообще Вам следует более придирчиво проверять ритм своих стихов на слух. Вы часто грешите против ритма.

Мой Вам совет: печатайтесь поменьше, пишите побольше, совершенствуйте свой стих, работайте над ним кропотливо, придирчиво. Критикуйте себя беспощадно. В каждом случае старайтесь найти то единственное слово, которое только и может выразить Ваше ощущение, пробуйте это слово на зуб. Не примиряйтесь с первым попавшимся словом, приходящим на ум, а ищите наиболее выразительное. Поменьше пишите «на случай», такие, например, стихи, как «Новогодняя застольная» или «Я голосую». Вы еще успеете писать такого рода стихи тогда, когда освоите по-настоящему поэтическое ремесло. Тогда они и прозвучат убедительнее и сильнее.

Далее. Бойтесь многословия. Есть у Вас стихи короткие и выразительные. А, например, отрывок из поэмы «Город на Волге» — на волжской набережной — многословно, невыразительно, переполнено дешевыми «красотами», вроде «белокурою волною», «крон позолота» и т. д.

Желаю успеха — солдатского и поэтического. Присылайте стихи. Буду рад помочь Вам своим советом, а если напишете хорошее — окажу содействие в напеча-